

АЛЕКСАНДР ОЖИГАНОВ

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ-1

1996 №18

1. Да будет позволено мне применить столь неакадемическое местоимение "я" для краткого описания некоторых противоречивых впечатлений от прошедшего в стенах самарской Гуманитарной Академии научно-практического семинара "Современная русская литература: проблемы, открытия, перспективы". Во-первых: в качестве кого я присутствовал на семинаре? - я не филолог, не литератор и не студент, я даже не мог бы участвовать в работе мастерских, ибо если и можно назвать меня начинающим, то лишь

Среди тех. Среди тех, кто с нуля начинает - и сразу бросает. (М. Айзенберг)

Когда в перерыве ко мне подошли несколько участниц семинара и задали сакраментальный

вопрос "А вы кто?", я не сразу решился ответить и ответить, разумеется, верно: "Никто", потому что такой ответ может показаться высокомерным или... ну да! - подозрительным, и могла бы возникнуть пусть фантастическая, но перспектива "определения личности", ведь хотя Гуманитарная Академия не отделение милиции, но тоже официальный институт. Может быть, мне следовало назваться проще: "вольнотрушатель", например, но я хотел быть вежливым, то есть точным, а понятие вольности - за пределами круга, в котором я нахожусь, если можно представить себе некий круг и если никто может где бы то ни было находиться. Ибо никто нигде...

Мы живем, под собою не чуя страны,-

написал Мандельштам о тех, кто когда-то стоял на этой земле двумя ногами, сегодня мы уже не имеем право на это "мы живем".

Кто это был тот, что еще вчера в легких ходил и в добрых? Так неопытен вид своего добра, что второпях бежишь от себе подобных. Кто разменял мне волю? Своих кругов не узнает, ступая. Мысль отлетает точно на пять шагов и тычется как слепая. (М. Айзенберг)

8

В 1910 году Франц Кафка сделал запись в дневнике: "Ты не можешь

ничего достичь, выходя из себя, но что еще ты потеряешь, оставаясь в очерченном тобой круге? На это я отвечу следующее: я лучше позволю избивать себя в этом круге, чем самому избивать вне его, но где, черт возьми, этот круг?" Определение понятия - в науке - итог скрупулезного, подчас многолетнего исследования и изучения. Определение личности, может быть, еще более долгий процесс, если он совершается не по-милиейски, но если индивидуальность - ярлык, который наклеивают на нас "другие", как уверяет философ Гройс, то все происходит еще проще и скоропалительней, чем в РОВД, потому что творение подменяется определением, которое однако выдается за пустой акт творения: некто никто. И я - повторяю - никто. Ибо человек нуждается не в самоопределении, а в самооправдании: перед собой, перед людьми, перед бог знает кем, ярлык же не определение, а замена, симулякр, который, впрочем, сегодня моден, а мода, как списал у кого-то тот же философ Гройс, - основная философская категория. Во всяком случае, я не моден, я - не участник семинара в СаГА, я - не... И так далее.

2. Помните басню о двух лягушках в кувшине сметаны? Так как мое основное, если не единственное занятие - курить на кухне, пия чай, то я иногда включаю радиоточку, стоящую на холодильнике, и из нее все чаще доносится кваканье героя нашего, вошедшего в мертвую петлю - аттракцион! - времени:

Ведущая (с восторженным придыханием): "Как-вы-выжили?"

Лягушка (с ложной скромностью): "Я-молотил-лапками!"

Я курю, пия чай. А две лягушки в кувшине сметаны барахтаются и барахтаются... У них такая богатая акустика, у них на редкость развитый аппарат, но они дергают лапками и - по басне - молчат, молчат и дергают лапками, ибо если б они заквакали, басня была бы другой.

Наши речи за десять шагов не слышны...

Бедный Мандельштам! - ЭТУ-то речь услышали дальше, там ГДЕ НАДО, и тот, КТО НАДО, для которого речь не речь, а компромат: величайший языковед всех времен и народов оперировал текстами не хуже сегодняшних аналитиков, которые, впрочем, тоже не лыком шиты и если не ВЫВЕДУТ НА ЧИСТУЮ ВОДУ, то ТКНУТ МОРДОЙ В ГРЯЗЬ любого зарвавшегося скриптора.

Говорю вам: мне ничего не надо. Позвоночник вынете - не обрушусь. Распадаясь скажу: провались! исчезни! Только этот людьми заселенный ужас не подхватит меня как отец солдата, не заставит сердцем прижаться к бездне. (М. Айзенберг)

Эта басня о двух лягушках в кувшине, и мораль в этой басне не хуже, чем в "Стрекозе". Может быть, было два кувшина?... Две басни... И по ОДНОЙ лягушке?... Нет, эта басня - о нас. И находка для аналитиков. Пахтание Молочного Океана.

Может быть, я - лягушка (в болоте)? Говорю вам: ква-ква!

3. Вот счастье - с тобой говорить, говорить, говорить! (А. Кушнер)

Ах, Александр Семенович, если Вы не читаете "Цирк "Олимп", то хоть в Барта-то ведь заглядывали? Главным из тоталитарных орудий ведущие философы эпохи, от Витгенштейна до Барта, признали язык... Язык стоит между человеком и миром, мы не можем воспринимать жизнь непосредственно, прямо и честно (!-А.О.)... Значит, чтобы обезопасить себя от языкового вируса, надо овладеть искусством жить без языка" (Т. Казарина. "Цирк "Олимп", N 10, стр. 6)

"Текст ВСЕГДА тоталитарен... Теория постмодернизма отрицает возможность индивидуального высказывания. Человек - это пленник языка, носитель определенного речевого поведения, а следовательно, и диктуемого им мышления. (И. Саморукова. "Цирк "Олимп", N 3, стр. 4)

"Интеллект дает человеку лишь внешнюю сторону действительности, не позволяя проникать внутрь". (С. Трофимцева. "Цирк "Олимп", N 3, стр. 10)

Но вот что я вычитал, например, у представителя того самого концептуализма, задача которого - "разоблачение и преодоление деспотии языка..., война с языком (в том числе - художественным)":

Слава тебе и хвала тебе, каждый, что-то вписавший остатками языка. Славен голод писчебумажный всех, унесенных за облака, чудом спасших себя от жажды умереть-уснуть и не быть, не бывать пока. (М. Айзенберг)

И это - не правда ли? - перекликается с другим "тоталитарным текстом" другого ("Все мысль да мысль! Художник бедный слова...") "концептуалиста":

Болящий дух врачует песнопенье. Гармонии таинственная власть...

Ага, ВЛАСТЬ! - ловят меня на слове: "Нет знака или мысли о знаке, которые были бы не о власти и не от власти". (Ж.-Ф. Лиотар) "Никакой власти, немного знания, толика мудрости и как можно больше АРОМАТНОЙ СОЧНОСТИ!" - благодухествовал большой поклонник хунвэйбинов ("Получался самый настоящий гул, как от исправно работающей машины; смысл был для меня вдвойне непостижим - по незнанию китайского языка и из-за того, что читающие заглушали друг друга") Барт, распотрошив и Автора и Произведение и выделив - продуктом пищеварения - ТЕКСТ, который (теперь-то мы знаем!) "ВСЕГДА тоталитарен" и "подавляет человеческое "я". Но если "индивидуум творится языком" (И. Саморукова), то как "освободить" его от этого языка? Впрочем, деконструктивисты на вопросы не отвечают, ибо главная их задача, как и всякой уважающей себя "шизонидной личности", - "ПОЧУВСТВОВАТЬ ХАОС". Не будем расшатывать краугольный камень грамматологии Деррида (первичность письма перед речью), памятуя, что "деконструктивисты и сами пытаются писать метафорически, используя ассоциации и различные недовольности, из-за чего постоянно возникает противоречие между аналитико-теоретической задачей и "художественным" способом ее решения" (И. Саморукова. "Цирк "Олимп", N 15, стр. 7), а я уже устал от этих (правильно взятых в кавычки!) "художеств". Но то, что постмодернисты предпочитают препарировать ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ тексты, открывает, как они понимают природу художественного: "... в них (худ. текстах) слабее "центр", а следовательно, больше зияний, в коих гнездится недискретная (внелогическая, децентрированная, внерсональная) тайна." (И. Саморукова) Дабы воспринять такую вот "недискретную тайну", разумеется, надо не анализировать, а обладать каким-то особым чувствительным, недаром постмодернисты гордятся не только своей пресловутой "аналитичностью", но и, прежде всего, своей уникальной "постмодернистской чувствительностью". И цель ("недискретная тайна") и средства сближают постмодернистов с мистическими реалистами, костью первыми за бездуховность.

4. В России, где "мы рождены, чтоб сказку сделать былью", где "мы покоряем пространство и время", где мы клянемся, что "как один умрем в борьбе за это", хотя у нас "вместо сердца - пламенный мотор", где нас то и дело сбивают с ног, а мы слетаем с катушек, в России, где "На нас слетал орел двуглавый Пятиконечной звездой (Е. Рейн), - без мистики не обойтись. Все наши реалии мистичны. Кто, кроме нас, способен понять, например, что "друг (народа)" - это враг, а "враг (народа)" - друг? Что нет ничего горше этого "сладкого" слова СВОБОДА, кто бы ни напел его нам?... А сколько ведь - помните? - было восторгов! "Наконец-то мы без помех предадимся всемоу такому - истинному. Высокому и сурьезному. Сразу главному. Духхховному, во." (Вс. Некрасов) И ведь - предались, еще как! (Справка: "при прекращении длительного химического воздействия у индивидов возникает состояние абстиненции, сопровождающееся повышенной внушаемостью, потребностью в новых дозах наркотического вещества.") "Вы просите дозы? - их есть у меня!" Составляются разные смеси из "ведущих философов", все расфасовывается, нашлепываются ярлыки и - пожалуйста! - христианский мистицизм, агниога, метафизический реализм, даже социалистический реализм опять пригодился, а мы, оказалось, чертовски и/или постмодернистски чувствительны... так массово элитарны... так хотим нюхать розы, есть печенье "мадлен"... окунуться в "живой поток"... все интенсивнее ощущать... ощущать... ощущать... слиться с... и проникнуть внутрь. "Что же касается человеческого сознания, то его отличительной чертой является способность изготавливать искусственные предметы... Интеллект